

ОТЗЫВ официального оппонента
о диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук Винокурова Владимира Васильевича
на тему: «Философские основания, генезис и типология
эзотерических учений Западной Европы
(IV в. до н.э. – XXI в.)»
по специальности 5.7.9 – Философия религии и религиоведение

Актуальность темы в диссертации обоснована. В академическом ключе новые постановки вопроса в отношении эзотерических учений в современном мире рассматривались на Всемирных конгрессах, международных и российских конференциях.

С конца XVII века основные дисциплины эзотерического комплекса (магия, астрология, алхимия, нумерология, тарология) утратили значение в сознании интеллектуальной и научной элиты, которое они занимали на протяжении почти двух тысячелетий. При этом на протяжении веков дисциплины магико-когнитивного эзотерического комплекса доказали свою способность быть устойчивыми и изменчивыми и возрождались на протяжении столетий.

В философии XX века эзотерическая тема продолжается в произведениях Рене Генона (1886 – 1951) и Юлиуса Эволы (1898 – 1974). Людвиг Витгенштейн (1889 – 1951) затрагивает темы магии, предсказаний и алхимии в работах переходного периода (1941 и 1944 г.г.) и в первом наброске «Философских исследований» (The 'Big Typescript' {TS 213}, 1933). Можно обнаружить и определенные параллели между алхимией и религиозно-философскими воззрениями П. Тейяра де Шардена (1881 – 1955) на финальную стадию антропогенеза. Алхимия играет значительную роль в глубинной психологии К.Г. Юнга (1875 – 1961) и его современных последователей. В религиоведении к ее исследованию обратился основатель чикагской школы Мирча Элиаде (1907 – 1986). Элиаде считал, что эзотерические и герметические учения выражали глубочайшую потребность человека не довольствоваться ролью одинокого бездомного скитальца во Вселенной, а занять место в Космосе и на каком-то уровне своего бытия обрести связь со Вселенной.

В XXI веке возврат к эзотерическим построениям происходит через формирование идеала могущества человека в условиях развития науки, техники и технологий. Конституирование в общественном сознании идеала могущества ведет к переопределению понятия истины, через концепцию и определение «пост-истины». Концепция пост-истины манифестирует могущество симбиоза воображения и желаний человека с возможностями технологий и техники. Эта проблема обсуждалась на XVI-м международном конгрессе по логике, методологии, философии науки и технологии (Prague, Czech Republic, 2019) с участием автора диссертации, что отражено как в диссертации, так и в статьях В.В. Винокурова [*Винокуров В.В. Логико-символическое изучение эзотеризма // Парадигмы исследования религии в XXI в.: Коллективная монография / Под ред. О.Ю. Бойцовой. М.: Философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. Издатель Воробьев А.В., 2020. С. 84–101, 128–136*].

Сам идеал могущества воображения человека возник не в современном мире, его парадигмы и логику можно выявить и проследить в эзотерических учениях. Концепция истины в «пост-истинной культуре» – просто новое определение и актуализация магико-когнитивного комплекса в современном мире. В диссертации автор прямо не обращается к теме «пост-истинной культуры», но обосновывает актуальность через ее составляющие – сциентизацию эзотерических учений и эзотеризацию науки.

Начиная с конца XIX века все основные дисциплины магико-когнитивного эзотерического комплекса (магия, астрология, алхимия, нумерология, тарология) возродились, и в XXI веке они представлены на всех уровнях общественного сознания, что делает представленное научное – философско-религиоведческое диссертационное исследование предмета, метода, истории, логики и алгоритмов эзотерических учений актуальным.

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, и их достоверность основываются на критериях научности и историчности, на установлении релевантности логического и исторического. Вопрос о релевантности содержания эзотерических

учений их образам, созданным в современном религиоведении, является ключевым для методологии диссертации. В методологическом отношении автор четко следует критерию научности и проводит последовательную редукцию тех или иных эзотерических дисциплин к научному основанию. Например, опираясь на исследования древних артефактов современными физико-химическими методами, устанавливающими их состав и структуру, автор приходит к выводу, что представление об алхимиках как о «чудаках», много веков занимающихся бесполезным делом получения золота из свинца, не соответствует исторической действительности, точнее соответствует ей лишь частично. Такие алхимики, конечно, были. С точки зрения автора работы, ключевой вопрос не в том, что хотел получить алхимик, а в том, как он хотел достичь результата. С точки зрения автора диссертации, алхимики занимались «окраской металлов», они хотели получить «цветные металлы». Такая постановка вопроса обращает к исследованию развития технологий окрашивания различных материалов и красителей. Успех в окрашивании одних материалов вел к неудаче в окрашивании других. Перенести александрийские технологии глубокого окрашивания стекла на окрашивание металлов оказалось невозможным. Эти «вещества» оказались различны. Для понимания нерелевантности задач получения «цветного стекла» и «цветного металла» необходимо понять глубокое различие в материальной структуре мира. Релевантность задач не гарантирует релевантность результатов, но установление нерелевантности требует усилий и исследований. Для того, чтобы установить, например, релевантность выражений «груда камней» и «сто камней», «груды камней» следует пересчитать. Удачи и неудачи эзотерических искусств и практик вели к изменению натурфилософских представлений о веществе, соединениях и элементах. Но эта задача уже другого уровня.

Сформулированное в положениях, представленных на защиту [далее, положения – *В. Глаголев*] выделение автором трех парадигмальных уровней в герметических и эзотерических учениях (диссертация, с. 25: положение 2), представляется достаточно обоснованным независимо от того, является ли

верной гипотеза о «трех Гермесах». Последняя дает автору лишь дополнительное текстологическое и историческое основание для развития представления о концептуальных уровнях герметических учений.

Сложившийся в религиоведческих исследованиях эзотерических учений образ, с одной стороны, сближает и даже отождествляет понятия эзотерических, герметических и оккультных дисциплин и практик, рассматривая эти понятия как автореферентные. С другой стороны, в российском и западном религиоведении не прекращаются попытки их разделить (Мирча Элиаде, Эдвард Тириахьян, П. Г. Носачев). Вклад в эту полемику вносит и автор работы. Возвращаясь к истокам термина «эзотерический» у Лукиана, он показывает различие в оценках высказываний, встречающихся в герметическом корпусе текстов, и в антропологической концепции Лукиана (ссылающегося на перипатетиков), предлагающей разделить человека на «экзотерического» и «эзотерического». Герметическое высказывание в тексте Лукиана оценивается как бессмысленное, и его значение сводится к нулю. Термин «оккультное», введенное Агриппой и сведенное им к магии, было искусственно расширено изданием четвертого тома его трудов, который, по свидетельству учеников и современников, он не писал, но содержание которого достраивало структуру его произведения до структуры герметического учения. Автор делает последовательный вывод, что понятие оккультное является собирательным (диссертация, с. 25: положение 1). Можно согласиться с обоснованностью вывода о том, что отождествление понятий «эзотерическое», «герметическое» и «оккультное» не поддерживается ни исторически, ни логически. Без ответа остается вопрос о том, как оно произошло, было ли оно результатом смешения или соединения эзотерической, герметической и оккультной парадигм.

Следует отметить значительные усилия, которые прикладывает автор, начиная исследование с герметического корпуса текстов, для установления значения второго парадигмального уровня эзотерических учений, к которому он относит, прежде всего, философию, математику и грамматику. Исследуя на основе логики и анализа артефактов слово «алхимия», он приходит к выводу

об искусственной конструкции самого слова «алхимия», раскрывая геометрическую и математическую его компоненты, связанные с числом π . Аргументы автора интересны и значимы, поскольку позволяют прочесть «не химические», а «геометрические» тексты алхимиков. С одной стороны, можно сказать, что это новый взгляд на эзотерические учения, с другой стороны, попытка выразить число π через рациональные дроби показывает, что трансцендентная природа этого числа ни для алхимиков, ни для астрологов была неясна. Движение вдоль линии окружности предполагала циклическую дробь, как, например, автор показывает со ссылкой на пифагорейский символизм числа семь. Винокуров понимает эту проблему. Можно согласиться с выводом автора, что результатом этого процесса является геометризация и сциентизация эзотерических учений, а не трансформация эзотерических учений в науку (диссертация, с. 25: положение 3). Предложенное эзотериками решение может быть полезным и удивительным, но тупиковым с точки зрения развития науки.

Научность методологии диссертации особенно ясно раскрывается при анализе реформы в понимании алхимии и герметизма, осуществленной в глубинной психологии К. Юнга. В эзотерических учениях наряду с химическим и геометрическим аспектами появляется аспект психологический. Автор использует введенное и разработанное в логике отношений понятие «комплекс», акцентируя вклад в разработку этого понятия в философии Л. Витгенштейна, в трудах А.Ф. Лосева, А.П. Огурцова, И.Н. Яблокова, И.П. Давыдова. Автор замечает, что есть психологические контексты, в которых комплекс употребляется как единичное понятие, референтом которого является объект. Одним из психологических контекстов, в которых комплекс обнаруживает себя как единичное понятие, оказывается глубинная психология К. Юнга. Важным для методологии работы является анализ и оценка трансформации К. Юнгом алхимического и эзотерического дискурса в дискурс психологический. Этот момент открывает восприятие психологического аспекта эзотерических учений.

Относительно научности методологии Юнга автор принимает разграничение, утвердившееся в современной науке. Концептуальные построения

Юнга разделяются на теоретические и гипотетические. Первые удовлетворяют критериям научной теории и могут быть подтверждены экспериментально, вторые основываются на клинической практике и ее интерпретации, в которой Юнг использует как метод ассоциаций, так и разработанный им метод амплификаций. Последний включает в клиническую практику обилие исторических и мифологических источников, но не поддается экспериментальному исследованию в той форме, в которой его представил Юнг. Границей является метод диаграмматизации структуры психики индивида, который впервые представлен Юнгом в «Психологических типах» (1921, англ. пер. 1922), и который в дальнейшем стал основой индивидуальной дифференциальной психологии. Однако диаграммы открывают лишь корреляцию между двумя параметрами, но не логику их отношения. Для этого необходима система координат. Для интерпретации корреляционных связей автор использует функцию Эйлера для единичного круга в комплексной области чисел, утверждая, что восприятие реальности включает действительную и воображаемую реальность (диссертация, с. 27: положения 6, 7). При этом воображаемая составляющая не сводится к иррациональной, что автор демонстрирует в анализе и интерпретации «видений» Джона Ди (диссертация, с. 264 – 267).

Здесь Винокуров подходит к обоснованию вывода, представляющего основную новизну исследования: основной формой дискурса для эзотерических учений является легенда, которая объединяет два нарратива – реальный и воображаемый (диссертация, с. 24, 27: положения 1 и 7.). Эзотерические учения объединяют два нарратива в одном общем дискурсе (диссертация, с. 20). Можно признать обоснованным основной вывод работы: «С исторической точки зрения эзотерические учения представляют гетероиерархичную парадигму, с религиоведческой точки зрения — геометрический и логический сакрально–когнитивный комплекс» (диссертация, с. 27).

Следует отметить, что, рассматривая действительную компоненту легенды, автор не упускает из виду трансформацию в истории алхимии «хими-

ческой» составляющей. В качестве иллюстрации исторических трансформаций приведем фрагмент текста диссертации: «Алхимик XVI–XVII веков Михаил Майер характеризует первую стадию (*алхимии* – В. Глаголев) *nigredo* аллегорией: “Положи (ледяную – В.В.) жабу на грудь женщины, дабы та ее вскармливала; женщина погибнет, но жаба вырастет могучей” [Михаил Майер. Убегающая Аталанта, 1617]. Алхимики знали, что тепловые эффекты практически всегда сопровождают химические изменения, поэтому поглощаемое тепло женщины должно совершать какие-то “химические” изменения в теле жабы, поскольку жаба остается холодной до тех пор, пока все тепло женщины не перейдет к ней. Какая-то химическая или биохимическая реакция должна была в этом случае происходить» (диссертация, с. 305 - 306). Однако, опираясь на предложенную трехпарадигмальную модель, Винокуров не позволяет редуцировать алхимию в отличие от Юнга и неоянгианцев к психологической парадигме, а в отличие от просветительской точки зрения и классических исследований по истории и методологии науки – к парадигме истории химии, при этом не отрицая значение ни одной из них.

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, их достоверность и новизна в диссертации и публикациях автора достаточно обоснованы.

К тексту диссертации можно сделать следующие замечания:

- приводя формулу П.Г. Носачева (с. 61), автор убирает из нее значение эстетического компонента. Эта редукция остается необоснованной. Непонятно, включает ли автор эстетический компонент внутри других оставшихся параметров или удаляет его вовсе. Этот момент несколько разъясняется на с. 382, где говорится о детализации отношения между воображаемым и действительным компонентами эзотерического восприятия мира, но куда относится эстетический компонент остается не ясным.

- опираясь на принцип единства исторического и логического, автор не уделяет достаточно внимания исторической последовательности событий. Он сообщает, что слово «алхимия» «впервые эксплицитно употреблено, как принято

считать, в трудах сицилийского астронома, астролога и математика Юлия Фирмика Матерна (4 в.)» (диссертация, с. 177). Математическая интерпретация автора опирается на артефакт «*Tabula Combinatoria*» из работы Афанасия Кирхера 1679 года (диссертация, с. 179). Хотя Кирхер известен коллекционированием древностей все же между этими событиями огромный промежуток времени. Тем самым, обоснование автором семантической и математической эквивалентности и связи логического и исторического является гипотетическим и нуждается в последующих исследованиях;

- обозначая тарологию как дисциплину эзотерического комплекса с эпохи Возрождения автор ограничивается лишь изложением ее предыстории. Лишь на с. 276 диссертации, опираясь на работу В.В. Васильева, он приводит цитату из работы интерпретатора Таро и «Книги Тота» Курта де Жебелена о критерии «ясности» речи и связывает его с критерием простоты. Это значит, что предсказания, основанные на случайно выпавших картинках, которые ясно и просто интерпретированы («прочитаны»), имеют то же значение, что и предсказания астролога. Следовательно, основанием предсказаний будут не закономерности планетарного характера, а случайное расположение планет. Эти эзотерические дисциплины вступают в очевидное противоречие друг с другом, поскольку тарология сводит значение «астрономической» составляющей астрологии к нулю. Автор этого никак не объясняет, по-видимому, оставляя этот вопрос для будущего;

- поскольку есть не только западные варианты эзотерических искусств, например, астрологии, представляется важным указание принципиального различия между восточными и западными их вариациями или основаниями, на которых они строятся;

- следовало бы более полно представить социально-исторический контекст, в котором возникают пики и спады популярности астрологических предсказаний;

- среди незначительных стилистических упущений уместно отметить на с. 13 грамматическое рассогласование, связанное со множественном числом: надо

«теория и практики алхимии изучались»; на с. 14 отсутствуют ссылки на работы В. Зеленского, упомянутые в тексте; на с. 18 следовало бы употребить вместо «переосмысления мифа» термин «реформатирование мифа»; на с. 19 можно было бы, говоря об основаниях существования и сохранения эзотерического комплекса, отметить постоянно возникающие модификации в различных исторических контекстах; на той же странице можно было бы выделить определения понятий герметизм и оккультизм; на с. 21 уместно в качестве отдельного направления исследований назвать влияние эзотерической аргументации на концепции художественного творчества; на с. 28 можно было бы более развернуто представить работу В.Л. Рабиновича, посвященную алхимии; формула изыскания лучшего ученика на с. 45 вызывает вопрос о критериях установления этого качества; на с. 97 досадная опечатка Демофон становится в конце абзаца становится Демосфеном; излишнее повторение союза «если» в смежных абзацах на с. 111; (явно автор злоупотребил местоимением «он» на с. 113); на с. 136, вероятно, опечатка, насколько мне известно в Египте правили династии Гиксосов (в тексте Гикоссов); неудачный оборот на с. 150 «философский камень окажется найден»; на с. 267 справедливо утверждение диссертанта, что алхимические операции «лежат в области не химических, а в области ядерных реакций», к сожалению, средневековые алхимики и алхимики эпохи Возрождения не имели представлений о ядерных превращениях; было бы уместным среди математических описаний колебательного движения упомянуть теорию струн Дмитрия Михайловича Панина. Судя по биографическим описаниям его друга А.И. Солженицына и другими материалами, он, по крайней мере, знал о возможности паранаучного описания этого феномена.

Заключение о соответствии диссертации критериям

Указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности

5.7.9 – «Философия религии и религиоведения» (по философским наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова. Диссертация оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Таким образом, соискатель Винокуров Владимир Васильевич заслуживает присуждения ученой степени доктора философских наук по специальности 5.7.9 – «Философия религии и религиоведение».

Официальный оппонент:

Доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии им. А.Ф. Шишкина
международно-правового факультета
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) министерства иностранных дел Российской Федерации»

ГЛАГОЛЕВ Владимир Сергеевич

В. Глагов
02.12.2022

Контактные данные:

тел.: +7 (495) 234-83-48, kfmgimo@gmail.com.

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация:

09.00.06 – Научный атеизм, религия история и современность.

Адрес места работы: 119454, г. Москва, пр. Вернадского, д. 76, международно-правовой факультет.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) министерства иностранных дел Российской Федерации, международно-правовой факультет, кафедра философии им. А.Ф. Шишкина.

Тел.: +7 (495) 234-83-48,; e-mail: kfmgimo@gmail.com

В.С. Глагов